

УДК 130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V186

ЧЕСНОКОВА Леся Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Автор 53 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

ТЕЛЕСНАЯ ПРИВАТНОСТЬ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАЩИТЫ

В статье рассматривается телесная приватность как возможность самостоятельно определять презентацию собственного тела в публичном пространстве. Целью работы является социокультурный анализ телесного аспекта приватности и выявление его сущностных характеристик. Указывается, что отношение к телу и его публичной презентации зависит от социально-культурных норм. В европейском обществе начиная с Нового времени возрастает тенденция к самоконтролю и регуляции своих аффектов, телесные проявления и чувства выносятся «за кулисы» публичной жизни. Обнаженное тело и сексуальность принадлежат к области конвенциональных предписаний приватной сферы. Человек нуждается в сокрытии своих телесных функций, особенно в регрессивных состояниях, таких как болезнь или смерть. Невозможность скрыть некоторые части тела (private parts) и определенные телесные функции от чужих взглядов унижает человеческое достоинство. Практики телесной депривации применяются в тотальных институтах: лагерях, тюрьмах, психиатрических больницах, лишая человека ощущения безопасности и свободы. Потребность укрыться от взгляда Другого вызвана тем, что человек видит себя, исходя из чужой перспективы. Развитие самосознания индивида связано с опытом собственной телесной уязвимости, поскольку субъект предстает перед другими посредством собственного тела. Наиболее известное описание утраты детской непосредственности в восприятии собственной телесности содержится в библейском сюжете об изгнании из рая. Культура взгляда, распространенная в современном западном обществе, представляет собой отказ от сексуально коннотированного взгляда, когда обязанность по сокрытию телесности переносится от воспринимаемого к воспринимающему. Такт, уважение к телесным границам, культура взгляда являются конвенциональными современными культурными практиками, позволяющими защитить телесную приватность индивида.

Ключевые слова: телесная приватность, приватное пространство, нагота, стыд, достоинство личности, культура взгляда, самопрезентация телесности.

*Адрес: 644077, г. Омск, просп. Мира, д. 55а; e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Для цитирования: Чеснокова Л.В. Телесная приватность: сущностные характеристики и визуальные практики защиты // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 3. С. 94–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V186

Тема приватности занимает в последнее время важное место в научных исследованиях по философии, психологии, социологии, праву как междисциплинарная проблема, которая связана с вопросами гуманизма, ценности и достоинства личности. В современной западной индивидуалистической культуре уважение к приватному пространству является индикатором степени развития общества как условие психологического благополучия, чувства безопасности, свободы и самоуважения человека. Неприкосновенность человеческой личности предполагает не только уважение свободы ее мыслей и чувств. Помимо духовной или ментальной неприкосновенности, к числу важнейших человеческих потребностей относится телесная приватность индивида.

Цель статьи – социокультурный анализ телесного аспекта приватности и выявление его сущностных характеристик. Необходимо установить связи между потребностью в телесной приватности и человеческой субъектностью, самосознанием и чувством достоинства личности, а также выделить социокультурные механизмы, регулирующие соблюдение права на телесную приватность. В основу исследования положен комплексный подход, включающий в себя логический, герменевтико-интерпретационный и компаративистский методы. Новизна работы заключается в концептуализации феномена телесной приватности, демонстрации связи данного феномена с человеческим достоинством и автономией, выявлении общественных механизмов регулирования права субъекта на контроль над телесной неприкосновенностью.

Телесная приватность может быть определена как препятствие вторжению в чье-то физическое пространство. Она включает в себя стремление скрыть свое тело от взглядов других людей. Это может быть достигнуто с помощью одежды или закрытого от посторонних глаз помещения, огражденного стенами, забором, ширмами и т. п. Создание собственного визуального образа, а также возможность самостоятельно определять степень демонстрации своего тела также относятся к телесной

приватности. В публичной сфере для различных областей тела действуют разные императивы сокрытия: например, принято по-разному одеваться в офисе, дома и на пляже. С культурно-исторической точки зрения приватность тела и потребность в ней подвержены изменениям. Границы стыда в разных обществах и различных ситуациях могут сдвигаться и модифицироваться. Поскольку человек уязвим вследствие своего телесного существования, ему требуется защита. Степень закрытости или открытости тела относится к числу социальных норм.

Х. Арндт отмечает, что слово «публичный» обозначает нечто, сопровождающееся максимальной открытостью для каждого. Для рассмотрения феномена публичности Арндт использует метафору света. В связи с этим она описывает ойкос как темное, недоступное для чужих глаз помещение. Яркий свет публичности уничтожил бы определенные вещи, которые укоренены в приватном. Пребывание в приватном пространстве вызвано потребностью телесной природы человека в темноте, укрытости, тайне. Это связано с основными антропологическими условиями: человек не знает, откуда он приходит, когда рождается, и куда уходит, когда умирает. Начало и конец жизни могут быть сохранены там, куда не достигает дневной свет. Приватное пространство представляет собой место, где «под родным кровом люди находят защиту от света публичности, появляются на свет и умирают, но не проводят жизнь, где происходит то, во что никакой человеческий глаз и никакое человеческое знание не проникают, как место рождения и смерти» [1, с. 81]. Арндт относит к приватной сфере такие телесные опыты, как сильную боль и умирание. Боль лишает человека чувства реальности, уводя из мира людей. Кроме нее только смерть оказывается субъективным ощущением, выводящим человека из явленности объективного мира.

Особенно в регрессивных телесных состояниях, когда приходится преодолевать боль, страдания, патологические изменения тела, человек нуждается в укромном, приватном про-

странстве, куда никто не должен вторгаться. Опыт болезни зачастую связан с неприятными процедурами, вызывающими ослабление самоконтроля. Как отмечают В.Ю. Лебедев и А.В. Федоров, «медицинская наука – особая область человеческой деятельности: основная масса взаимодействий здесь приходится на сферу частного. Недаром этико-деонтологическая проблема медицинской тайны сегодня стала предметом ожесточенных дискуссий специалистов различного профиля» [2, с. 109]. Вынужденное нарушение приватности, в т. ч. со стороны медицинского персонала, тяжело переносится, нанося порой тяжелую психологическую травму. В регрессивных телесных состояниях человек стремится укрыться от чужих взглядов, что «связано с чувством собственного достоинства, которое требует оставаться наедине с доверенными лицами или в уединении, отгораживаясь от публики. Это также касается умирания, последней регрессии человека» [3, с. 114].

Как отмечает С. Бенн, в английском языке существует несколько устаревшее словосочетание «private parts», обозначающее те части тела, которые должны быть сокрыты от публики. В западной культуре «сексуальные и экскреторные (выделительные) акты являются частными в том смысле, что прикладываются усилия к тому, чтобы другим не были видимы эти действия» [4, с. 224]. Право на защиту от непрошеного наблюдения является базовым для концепции личности, принадлежащей к современной западной культуре. Хотя нет ничего предосудительного в научном любопытстве или в наблюдении за миром природы, однако по отношению к людям действуют другие нормы. Если допустить, что приватность базируется на более общем принципе уважения к человеческому достоинству, она означает ограничение свободы других в наблюдении.

То, что относится к частному пространству, во многом культурно обусловлено. Не существует рационального обоснования, почему некоторые из телесных функций в нашей

культуре должны осуществляться в одиночестве, а другие – нет. Однако тот, кто «интернализировал социальные нормы, будет испытывать мучительную неловкость, если увидит то, что видеть не полагается. Неловкость и смущение – это культурно обусловленная реакция, связанная с концептом “стыд” (pudenda), и любой, не демонстрирующий такую реакцию, будет восприниматься как бесстыжий или бесчувственный» [4, с. 234].

К числу функций приватности относится поддержание достоинства, которое заключается в том числе в возможности скрыть какие-то вещи от публики, не делать их предметом всеобщего достояния. В противном случае достоинство личности будет нарушено, подобно тому, как это происходит в тотальных институтах, где в качестве формы подавления выступает невозможность скрыть от чужих взглядов некоторые аспекты своей личности: тело, мысли, действия и личные вещи. Для человеческого Я существует определенная категория предметов, имеющая особое значение. Поскольку у человека есть потребность контролировать свой внешний облик, выступая в публичном пространстве, для этого «ему нужны косметика и одежда, средства для их использования, приведения в порядок и исправления – словом, индивиду нужен “набор инструментов идентичности”, чтобы ухаживать за своим персональным фасадом. Ему также нужен доступ к специалистам по декорированию, таким как парикмахеры и портные» [5, с. 48]. Однако при поступлении в тотальный институт индивида, как правило, лишают возможности поддерживать свой обычный «приличный» внешний вид, отнимая у него средства гигиены, косметику, привычную одежду, что приводит к обезличиванию. Кроме того, в некоторых тотальных институтах бытуют такие практики, как татуирование, отсекание конечностей, избиения и прочие повреждения тела, свидетельствующие об утрате личной безопасности и физической целостности.

Человеку, проживающему в тотальных институтах, приходится выносить вторжения

в телесную сферу. Пациенты психиатрических больниц и узники концлагерей не могут помешать другим людям видеть их в унижительных обстоятельствах, открывающих постороннему взору интимные физические подробности. Медицинские осмотры и проверки безопасности, общие спальни и туалеты, не имеющие дверей, предполагают полное отсутствие телесной приватности. У индивида отсутствует возможность уединения даже для отправления своих естественных физических потребностей. Он постоянно находится в поле видимости своих тюремщиков или сокамерников. По словам J. Reiman, «подобные социальные практики, которые проникают в приватное пространство, являются эффективным средством для подавления самости заключенного – фактически для его уничтожения» [6, с. 311].

Разрушение приватного пространства означает утрату свободы и социальной безопасности. В качестве одного из наиболее впечатляющих примеров нарушения телесной приватности можно привести физическое насилие в лагерях XX века: «Человек всегда вместе с другими, всегда на глазах у остальных, он переживает скученность и гнев, вызванный стыдом, ощущает запахи, слышит крики, получает удары» [7, с. 295]. Другими средствами, нарушающими телесную приватность, были невозможность прикрыть наготу, острижение волос, нанесение на кожу татуировки в виде порядкового номера вместо имени. Вмешательство в телесную сферу было инструментом дегуманизации, реификации личности.

В результате тотального наблюдения существование человека становится прозрачным, а следовательно, управляемым. Знание дает власть над ним. М. Фуко, темой исследований которого становится проблема знания-власти, описывает «Паноптикум» – проект совершенной тюрьмы, устроенной таким образом, что надзиратель в любой момент может наблюдать за любым заключенным, при этом оставаясь невидимым: «Власть получит возможность осуществляться благодаря тому обстоятельству, что вещи станут известными и опознаваемыми, а люди – видимы-

ми благодаря непосредственному, коллективному и безымянному взгляду» [8, с. 231].

Так же и в повседневной жизни у любого человека существует потребность в наличии мест, где можно побыть наедине с собой, на время освободиться от усилий и напряжений публичности. И. Гофман проводит различие между самопрезентацией в публичной жизни, известной как «сцена переднего плана», и «сценой заднего плана»: если на публике индивид осознанно и целенаправленно представляет себя другим, то в частных пространствах – отдыхает от социальной роли. Необходимо, чтобы места отправления физиологических потребностей, такие как спальня, ванная комната, туалет, находились вне зоны доступа для посторонних, поскольку индивид выходит там из своей социальной роли: «Семейная ванная и спальня – это такие места, доступ в которые посторонней публике может быть закрыт. Вымытые, одетые и приукрашенные в этих комнатах тела могут быть представлены друзьям в других помещениях» [9, с. 160]. Потребность в комнате для себя одного, где отсутствуют зрители, обусловлена необходимостью телесного уединения. «Роль тела и его публичной презентации в значительной мере символически насыщена, конвенционально регулируема и гендерно-специфически кодирована», – отмечает Б. Рёслер [10, с. 270].

Н. Элиас указывает на то, что начиная с эпохи позднего Средневековья в европейском обществе возрастала тенденция к самоконтролю, к управлению своими аффектами. Побудительными причинами к этому послужило возникновение придворного общества, где было необходимо демонстрировать уважение к вышестоящим и дистанцироваться от нижестоящих. Телесные проявления и чувства стали перемещаться в сферу приватного: «В процессе цивилизации сексуальность все более удалялась “за кулисы” общественной жизни и заключалась в анклав, образуемый малой семьей. Эти сферы человеческой жизни теперь окружены аурой чувства неловкости, выражающей социогенный страх» [11, с. 102].

С тех пор для общества характерно регулирование телесных влечений, усиление сексуальных запретов. Обнаженное тело стало относиться к области конвенциональных предписаний приватной сферы. Сейчас люди стремятся самостоятельно определять степень визуальной презентации собственного тела в публичности, самостоятельно контролируя инсценировку собственной телесности. Соблюдение границ приватности защищает и наблюдаемого, и потенциальных зрителей, т. к. к числу функций приватности относится также ограждение других людей от избытка интимных деталей чьей-либо жизни.

Приватное пространство защищает от взгляда Другого. Каким образом взгляд Другого может нарушить приватность, иллюстрирует Ж.-П. Сартр в своих размышлениях о феномене взгляда: взгляд Другого представляет собой овеществление индивида, лишение его субъектности. При взгляде Другого индивид больше не управляет ситуацией, поскольку существование Другого лишает его возможности воспринимать и оценивать самого себя. Если предположить, что чужой взгляд несет с собой объективацию и власть, заключающуюся в праве судить и оценивать, то, следовательно, по мнению Б. Рёслер, человек не испытывает подобных ощущений, когда защищен от взглядов других. При взгляде Другого ситуация выходит из-под контроля индивида: «...взгляд всегда представляет собой оценку, суждение. Однако я хочу быть хозяином ситуации, когда остаюсь наедине с самим собой или хочу вести себя независимо от взглядов и суждений других» [10, с. 272].

Человеку требуется защищенное от всякого внешнего контроля и наблюдения пространство, где он может вести себя свободно, не думая о собственной репутации и необходимости самопрезентации. Одним из важнейших аспектов, связанных с проблемой Другого, является телесность, поскольку люди воспринимают друг друга через телесный облик: «Тело – это то, посредством чего человек становится видимым для других» [12, с. 76]. Поскольку из-за присутствия и взгляда Другого тело раскрывается в качестве бытия для Другого, следовательно,

по мнению Сартра, тело может существовать в двух аспектах: «как бытие для себя и как бытие для Другого» [13, с. 326].

Почему самовосприятие так существенно меняется в результате осознания того, что человек открыт для взглядов других? По словам М.-С. Лоттер, «здесь речь идет о смене перспективы, которая связана с выходом из состояния нетронутости субъектности. Только через эту смену перспективы происходит саморасщепление, которое характерно для личности: способность отличать себя от идеального Я и критически относиться к себе» [12, с. 77]. В ту секунду, когда индивид наталкивается на взгляд Другого, он теряет равновесие. Как отмечает Сартр, в этот момент он не может даже распознать цвет глаз смотрящего на него человека. Собственное восприятие мира отодвигается на задний план: «Взгляд Другого вынуждает меня к признанию определенных норм и идеалов. Он возникает из интересубъективной ситуации, в которой я воспринимаю, что являюсь воспринимаемым. Взгляд принуждает меня посмотреть на себя, исходя из перспективы Другого. Как пространственно-временной объект мира, как существующая структура пространственно-временной ситуации в мире, я открываюсь оценкам Другого» [13, с. 290].

Таким образом, развитие самосознания связано с осознанием собственной уязвимости. Наличие тела говорит о потенциальной возможности пережить физическое насилие: «То, что я постигаю непосредственно, когда я слышу треск ветвей позади себя, не означает, что кто-то есть; это значит, что я уязвим, что я имею тело, которое может быть ранено, что я занимаю место и ни в коем случае не могу избежать пространства, в котором я беззащитен, короче говоря, я рассматриваюсь» [13, с. 282]. Осознание, что человек является объектом для Другого, способного его видеть и оценивать, связано со стыдом. Следовательно, стыд возникает как ощущение собственного бытия, включенного в другое бытие. В форме телесного стыда выражается изначальное осознание собственной уязвимости. Любой человек имеет тайны, которые он не хочет демонстрировать

окружающим. В этом смысле стыд выступает в качестве защитной функции, которая скрывает импульс к демонстрации чего-либо, что может нарушить социальные нормы, в результате чего индивид будет отвергнут обществом. Возможность предстать взорам публики может вызывать чувство опасности. Отсюда возникает страх выйти из защищающего пространства приватности в публичность.

Функция стыда заключается в необходимости отграничения своего Я от других. Вероятно, стыд как первоначальная потребность в индивидуализации реализуется через установление личностных границ. Ощущение стыда возникает, когда происходит нарушение границ приватности и публика узнает тайну, которую индивид желал бы скрыть. Тело во многих культурах зачастую воспринимается как нечто грязное, стыдное, связанное с животной природой: «Оно охватывает аспекты самости, которые являются “слишком плохими” для публичности, или же то, что кажется слишком хрупким, уязвимым и потому не может быть раскрыто» [12, с. 85]. Чувство стыда побуждает к тому, чтобы держать при себе определенные вещи, которые мы не хотим демонстрировать окружающим.

В первую очередь это касается разнообразных телесных проявлений, таких как неуместное обнажение, процессы выделения, половые признаки, половые связи, болеющее и умирающее тело, которые должны быть спрятаны от взглядов других. Индивид желает быть скрыт в обстоятельствах, в которых он выступает не приукрашенным, без социального грима: «Стыдливость и в особенности опасение быть застигнутым в обнаженном виде являются только символической спецификацией первоначального стыда; тело здесь символизирует нашу беззащитную объектность. Одеться – значит скрыть свою объектность, отстаивать свое право видеть, не будучи увиденным, то есть быть чистым субъектом» [13, с. 310–311].

Потребность скрыть собственную телесную уязвимость от взглядов других связана с возникновением самосознания. Вероятно, самый известный миф о возникновении восприятия

самого себя и собственного отражения в глазах Другого – это библейская история об изгнании первых людей из рая, когда произошло осознание ими собственной наготы перед Богом, последовавшее после запрещенного вкушения плодов с древа познания добра и зла. После грехопадения у первых людей изменилось ощущение собственной наготы. В райском состоянии Адам и Ева хотя и обладали разумом, однако еще не могли воспринимать Бога и другого человека как существо, которое видит их, и, следовательно, не имели сознания того, какими они представляются взору Другого. Нагота в этом смысле означает в первую очередь «не недостаточную защиту от солнца или холода, а недостаточную укрытость тела от взглядов других» [12, с. 75].

В райском состоянии человек еще не осознает себя самого как существующего в социальном пространстве, где он постоянно воспринимается и оценивается. Осознав собственную наготу (неукрытость, незащищенность от восприятия других), индивид не просто воспринимает Другого как объект в собственном субъективном мире, но встречает его взгляд и пугается его. Он лишается непосредственности чисто субъективного переживания собственного тела, подобно тому, как ощущают его маленькие дети. Осознание, что Другой (Бог) может видеть, слышать, оценивать индивида, вызывает состояние стыда и страха. Возникновение самосознания, подобно изгнанию из рая, свидетельствует об утрате душевного покоя, указывает на неизбежность смерти и мучительные усилия по добытию хлеба насущного: «Стыд тем самым представляет собой выражение гетерономии, чуждости, так как я испытываю шок от осознания того, насколько мое основание находится вне меня» [12, с. 78].

Бережное отношение к чужой уязвимости требует определенной социальной кооперации для того, чтобы избежать потенциальной ситуации обиды. Сохранить приватность помогают чувство такта, которое выражается в делании вида, что человек «ничего не видел и не слышал» и т. п., а также использование юмора и других средств нейтрализации неловкости.

Благодаря этим культурным практикам может быть смягчен опыт негативной оценки со стороны Другого. Умение в определенный момент отвести взгляд – важный компонент социализации. У животных прямой взгляд означает агрессию. Люди надевают социальную маску, чтобы защититься от взгляда Другого. Такое избегание ситуаций стыда делает терпимым социальное взаимодействие, в котором человек постоянно подвергается наблюдению и оценке со стороны других людей.

Нормы, которые устанавливаются, какие аспекты сокрытия надлежит соблюдать воспринимающей персоне, а какие – воспринимаемой, культурно вариативны. Как интерпретируются приватные и публичные аспекты самости и где проходит граница между сокрытым и открытым, в каждом случае зависит от социальных норм. Если в викторианской Англии укрывали ножки у пианино, чтобы они не вызвали непристойных ассоциаций, то в современной Европе вид людей в шортах и мини-юбках не является чем-то необычным. Граница между публичной и приватной сферами встречается в той или иной форме во всех культурах. В современном западном обществе нагота подлежит защите с помощью культуры взгляда, когда от наблюдателя требуется такт, соблюдение границ, умение «отвести взгляд», «видеть, не видя», чтоб шадить чужую приватность в том случае, если человек стремится скрыть интимные детали своей жизни от публики.

В последние десятилетия в западных странах произошли культурные изменения, связанные с негласным запретом сексуально коннотированных взглядов, в то время как ранее существовали противоположные нормы, согласно которым обязанность по сокрытию собственной телесности лежала в первую очередь на воспринимаемом субъекте. Однако и в настоящее время во многих культурах, в частности в мусульманской, долг по сокрытию тела лежит на воспринимаемом (как правило, женщине, которая должна носить закрытую одежду (никаб или хиджаб)). С другой стороны, западная культура предполагает «институционально предусмотренные

ситуации, когда индивид может предстать перед другими обнаженным – например, в сауне или на нудистском пляже, что не рассматривается как нарушение приватности. Однако примечательно, что в таких местах существует дисциплина взгляда» [14, с. 22].

Требование сдержанного и тактичного поведения в обществе порождает ритуалы избегания получения непредназначенной для других информации: люди поспешно закрывают дверь, если случайно оказывается, что в ванной комнате кто-то есть, стараются не подходить слишком близко, сохранять физическую дистанцию с другими. Приватная сфера окружает индивида тесным защитным барьером: распространение приватной информации контролируется или запрещается. Ее доверяют представителям специальных профессий: врачам, психотерапевтам, адвокатам или близким друзьям. В процессе социализации дети учатся различению приватных и публичных сфер жизни, умению выносить некоторые телесные функции в приватный контекст.

В современном западном обществе меняются визуальные практики, касающиеся восприятия тела. Прежде всего это относится к сфере межличностного взаимодействия: оно «все более явно проникается идеей “гражданского невнимания”, основанного на стремлении сократить зрительные контакты, избежать взаимодействия, ограничить способы и время созерцания людьми тел друг друга» [15, с. 238]. Происходит корректировка визуального восприятия, постулируется отказ обращать чрезмерное внимание на телесные особенности других людей, которое воспринимается как дискриминация (лукизм). Существует четко прописанный код поведения в ситуациях, когда чужое тело становится видимым, например на пляже. Поведение в таких местах регулируется строгими правилами самоконтроля, призванными минимизировать ощущение стыда и неловкости. Предписывается вести себя естественно и непринужденно, избегая слишком активных движений и пристальных взглядов. Взаимодействие на пляже предполагает определенную дистанцию, запрещающую попытки сближения. Анонимность делает общение сдержанным и

нейтральным. Люди, загорающие на пляже, испытывают смущение, когда сталкиваются с коллегами или соседями, т. е. людьми, взаимодействие с которыми происходит в других социальных ролях.

Как отмечает Р.Е. Гергилов, «система легитимных взглядов позволяет лишь дискретный, поверхностный, нейтральный и как бы устремленный на панораму ландшафта взгляд. Имплицитные требования к непринужденности в отношении телесной наготы на пляже предполагают утонченное “искусство разглядывания без взгляда”» [16, с. 54]. Вместе с более свободным обнажением тела и либеральным отношением к наготы возникают более строгие требования к поведению воспринимающего. Сексуальное поведение теперь не регулируется пространственным разграничением полов и требованием максимально закрытой одежды. Вместо этого социальные нормы предписывают самодисциплину и самоконтроль.

Тем не менее, хотя вместе с ростом индивидуализма в обществе усиливается потребность в наличии закрытого для публики неприкосновенного пространства, в последние десятилетия «все чаще высказываются опасения по поводу исчезновения границ между приватной и публичной сферами в результате добровольного опубликования интимной информации. Соцсети и масс-медиа выставляют напоказ то, что в норме следует считать тайной» [17, с. 154]. Кроме того, порой люди намеренно, ради каких-то выгод и удобств, готовы отказаться от части своей приватности. Такой отказ от права

на приватность может привести к тому, что человек утратит свою свободу и независимость.

Итак, человеку необходимо право на телесную приватность как препятствие вторжению в свое физическое пространство. Сюда относится регуляция телесного образа, а также возможность самостоятельно определять степень демонстрации собственного тела на публике. С культурно-исторической точки зрения приватность тела и потребность в ней подвержены изменениям. Степень закрытости или открытости тела относится к числу социальных норм. Поскольку человек уязвим в силу своего телесного существования, ему требуется защита приватности, в особенности в регрессивных телесных состояниях. Это связано с чувством собственного достоинства. Право на защиту от непрошеного наблюдения является базовой для современной западной концепции личности. Ситуации, связанные с нарушениями телесной приватности, наносят тяжелую психологическую травму. Человек нуждается в защищенном от всякого внешнего контроля и наблюдения пространстве, где он может вести себя свободно, не думая о необходимости самопрезентации. Бережное отношение к чужой уязвимости требует социальной кооперации, которая выражается в таких действиях по поддержанию приватности, как «незамечание» и проявление такта. Подобное избегание ситуаций, вызывающих чувство стыда и неловкости, делает выносимым социальное взаимодействие, в котором человек постоянно подвергается наблюдению и оценке со стороны других людей.

Список литературы

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. *Лебедев В.Ю., Федоров А.В. Болезнь как феномен приватного пространства* // Человек. 2016. № 3. С. 109–122.
3. *Gahlings U. Die Privatheit des Körpers und der Cyberspace* // Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft / hrsg. von G. Böhme, U. Gahlings. Bielefeld: Aisthesis, 2018. S. 97–117.
4. *Benn S. Privacy, Freedom, and Respect for Persons* // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / ed. by F.D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 223–244.
5. *Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений* / пер. с англ. А. Салина. М.: Элементар. формы, 2019. 464 с.

6. Reiman J.H. Privacy, Intimacy, and Personhood // *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology* / ed. by F.D. Schoeman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 300–317.
7. Беккер А. Уничтожение. Тело и лагеря // *История тела: в 3 т. Т. 3. Перемена взгляда: XX век* / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 291–310.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
10. Rössler B. *Der Wert des Privaten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. 380 s.
11. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.: СПб.: Унив. кн., 2001. 332 с.
12. Lotter M. *Scham, Schuld, Verantwortung: Über die kulturellen Grundlagen der Moral*. Berlin: Suhrkamp, 2016. 344 s.
13. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
14. Böhme G. *Eine Kultur der Privatheit // Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft* / hrsg. von G. Böhme, U. Gahlings. Bielefeld: Aisthesis, 2018. S. 17–28.
15. Куртин Ж.-Ж. Анормальное тело. История и культурная антропология уродств // *История тела: в 3 т. Т. 3. Перемена взгляда: XX век* / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 185–242.
16. Гергилов Р.Е. Восприятие наготы в массовом сознании // *Человек*. 2015. № 6. С. 49–60.
17. Чеснокова Л.В. Информационная приватность: защита свободы и автономии личности // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2021. Т. 4, № 2. С. 145–157. DOI: [10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157)

References

1. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. Stuttgart, 1960 (Russ. ed.: Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni*. St. Petersburg, 2000. 437 p.).
2. Lebedev V.Yu., Fedorov A.V. Bolezn' kak fenomen privatnogo prostranstva [Disease as Phenomenon of Privacy: Some Aspects of Hermeneutics and Medical Semiotics]. *Chelovek*, 2016, no. 3, pp. 109–122.
3. Gahlings U. Die Privatheit des Körpers und der Cyberspace. Böhme G., Gahlings U. (eds.). *Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft*. Bielefeld, 2018, pp. 97–117.
4. Benn S.I. Privacy, Freedom, and Respect for Persons. Schoeman F.D. (ed.). *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Cambridge, 2007, pp. 223–244.
5. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Garden City, 1961 (Russ. ed.: Goffman E. *Total'nye instituty: ocherki o sotsial'noy situatsii psikhicheski bol'nykh patsientov i prokikh postoyal'tsev zakrytykh uchrezhdeniy*. Moscow, 2019. 464 p.).
6. Reiman J.H. Privacy, Intimacy, and Personhood. Schoeman F.D. (ed.). *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Cambridge, 2007, pp. 300–317.
7. Becker A. Unichtozhenie. Telo i lagerya [Extermination. Body and Camps]. Corbin A., Courtine J.J., Vigarello G. (eds.). *Istoriya tela: T. 3. Peremena vzglyada: XX vek* [History of the Body: Vol. 3. A Changed View: 20th Century]. Moscow, 2016, pp. 291–310.
8. Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Moscow, 2002. 384 p.
9. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, 1959. 256 p. (Russ. ed.: Goffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni*. Moscow, 2000. 304 p.).
10. Rössler B. *Der Wert des Privaten*. Frankfurt am Main, 2001. 380 p.
11. Elias N. *Über den Prozess der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Vol. 1. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes*. Basel, 1939 (Russ. ed.: Elias N. *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh Zapada*. Moscow, 2001. 332 p.).
12. Lotter M.-S. *Scham, Schuld, Verantwortung: Über die kulturellen Grundlagen der Moral*. Berlin, 2016. 344 p.
13. Sartre J.-P. *L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris, 1943 (Russ. ed.: Sartr Zh.P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii*. Moscow, 2000. 639 p.).

14. Böhme G. Eine Kultur der Privatheit. Böhme G., Gahlings U. (eds.). *Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft*. Bielefeld, 2018, pp. 17–28.

15. Courtine J.J. Anormal'noe telo. Istoriya i kul'turnaya antropologiya urodstv [Abnormal Body. History and Cultural Anthropology of Deformities]. Corbin A., Courtine J.J., Vigarello G. (eds.). *Istoriya tela: T. 3. Peremena vzglyada: XX vek* [History of the Body: Vol. 3. A Changed View: 20th Century]. Moscow, 2016, pp. 185–242.

16. Gergilov R.E. Vospriyatie nagoty v massovom soznanii [The Perception of Nudity in the Popular Mentality]. *Chelovek*, 2015, no. 6, pp. 49–60.

17. Chesnokova L.V. Informatsionnaya privatnost': zashchita svobody i avtonomii lichnosti [Information Privacy: Protecting Freedom and Individual Autonomy]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filozofa*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 145–157. DOI: [10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157)

DOI: 10.37482/2687-1505-V186

Lesya V. Chesnokova

Dostoevsky Omsk State University;

prosp. Mira 55a, Omsk, 644077, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443> e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

BODILY PRIVACY: ESSENTIAL CHARACTERISTICS AND VISUAL DEFENCE PRACTICES

This article dwells on bodily privacy as an opportunity to independently determine the self-presentation of one's body in a public space. The author performed a sociocultural analysis of the bodily aspect of privacy and identified its essential characteristics. It is indicated here that the attitude towards the body and its public presentation depends on sociocultural norms. Starting from the modern period, European society has seen a growing tendency towards self-control and regulation of one's affects. Bodily manifestations and feelings have been pushed behind the scenes of public life, into the private sphere. Nudity and sexuality now belong to the realm of social conventions of the private sphere. People want to keep their bodily functions hidden, especially when it comes to regressive bodily states, such as illness or death. Inability to conceal certain (private) parts of the body and certain bodily functions from other people's glances is degrading. The practice of bodily deprivation is used in total institutions, such as camps, prisons and psychiatric hospitals, taking away a person's sense of security and freedom. The need to hide from the glance of the Other arises from the fact that a person sees him/herself from someone else's perspective. The development of self-awareness is associated with the experience of one's own bodily vulnerability, since the subject appears to others through his/her own body. The most famous description of the loss of childlike ingenuousness in the perception of one's own corporeality is contained in the biblical story about the expulsion from paradise. The "gaze culture" prevalent in contemporary Western societies is a rejection of sexually connoted glances, the obligation to conceal corporeality shifting from the perceived to the perceiver. Tact, respect for bodily boundaries, and gaze culture are conventional cultural practices nowadays allowing us to protect the bodily privacy of an individual.

Keywords: *bodily privacy, private space, nudity, shame, personal dignity, gaze culture, self-presentation of corporeality.*

Поступила 02.10.2021
Принята 20.04.2022
Опубликована 22.06.2022

Received 2 October 2021
Accepted 20 April 2022
Published 22 June 2022

For citation: Chesnokova L.V. Bodily Privacy: Essential Characteristics and Visual Defence Practices. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 3, pp. 94–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V186